

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Наталья Загурская. Комплекс Станционного Смотрителя Эпштейн М. Н. Отцовство: метафизический дневник (СПб.: Алетейя, 2003), 248 с. (Серия «Мужские исследования»)

Первой книгой серии *Мужские исследования* издательства *Алетейя* стало качественное полевое исследование М. Эпштейна. Качественное, поскольку, будучи исследованием одного, причем собственного, отцовства или даже скорее исповедью о нем, оно бесконечно далеко от статистических количеств. И полевое, прежде всего потому, что почти в самом начале появляется образ поля как «продувного, бессмысленно распаханного простора» (с. 55), по которому автор, впервые ставший отцом, катит коляску с дочерью-младенцем. Вместе они становятся настоящим перекасти-полем, полным несоразмерных чувств пустоты - отцовской обжитой и ограниченной и младенческой беспредельной. Этот же образ, изменившийся по ходу повествования, появляется и в конце дневника, но теперь пустота двух главных персонажей становится общей пустотой двух бредущих рядом одиночеств. По ходу дела справедливо опровергается утверждение Ж.-Ж. Руссо о близости младенца к природе, поскольку тот вынужден искать убежища в родительской цивилизации. Так ставится под сомнение сама возможность существования естественного человека, что является несомненным достоинством дневника. Но в результате, несмотря на множество радостных эпизодов, лейтмотивом дневникового нарратива становится светлая грусть. Это позволяет легко вписать *Отцовство* в общий контекст последних работ М. Эпштейна, проникнутых транссентиментализмом как вариантом преодоления постмодернистской отстраненности.

Но, конечно, полевым исследованием (поскольку речь идет именно об исследовании, хотя и не лишенном определенной дозы теоретизирования) дневник является и по другой причине. Его культурными метками являются обращения к европейской литературной классике в лице Данте, Шекспира, Сарт-

ра, Камю и др. Особенно важное место занимают также обращения к русской философии и литературе в лице В. Соловьева, Н. Бердяева, СТ. Аксакова, И.А. Бунина, А. Блока и др. Единство интертекста обеспечивает обращение к концепции Г. Марселя, который трактует отцовство как творческий обет, уравнивающий родителя и ребенка в самоотречении и отказе от претензии на надевание кого-либо существованием. Некоторое недоумение вызывает отсутствие упоминаний одного из виднейших теоретиков отцовства Э. Левинаса и особенно, учитывая пристальное внимание к русской традиции, апологета семейственности В. Розанова и блестяще передавшего в *Котике Летаеве* переживания младенца А. Белого. Но, с другой стороны, специфика имеющихся культурных меток наилучшим образом подкрепляет авторскую позицию. Также стоит отметить, что, несмотря на эссеистическую стилистику, дневник снабжен академическим указателем имен и мотивов.

Метафизическим дневник назван достаточно условно, в этом определении видится скорее некий издательско-редакторский умысел. С другой стороны, если книга входит в серию *Мужские исследования*, а не, скажем, *Маскулинология*, то метафизичность дневника вызывает некоторое недоумение. Но, учитывая, что книга открывает серию, демонстрация метафизических оснований отцовства представляется вполне уместной. Она комбинируется с демонстрацией отцовской мифологии, и, сталкиваясь с авторскими размышлениями по поводу жанра дневника, читатель узнает, что дневник задумывался как описание, но постепенно обрастал домыслами и становился мифологическим. Мифология, в свою очередь, понимается автором как логика внутриутробных и ранних младенческих превращений. Далее, эмбриология трактуется как научно подтвержденная мифология, также солярно центрированная на солнечном сплетении. Хотя М. Эпштейн настаивает, что «мифология примерно так же связана с рождением, как философия со смертью» (с. 30), а «педагогика есть наука воскресения» (с. 185), поскольку понимается не как вождение детей, а как вождение детьми, в дневнике затрагивается и множество философских проблем, особенно традиционных для философской антропологии. Так, пристальное внимание уделяется взаимоотношениям души и тела, установлению контакта между ними и последующему разделению и отделению от остального мира как залого формирования самосознания. М. Эпштейн метко замечает, что если умирающий разговаривает со своей душой, то новорожденный - со своим телом (с. 92). Также подробно описывается становление человека как творение неопределенного возраста на основании наблюдений за переливами животных черт в первые дни жизни, любви к мелким деталям как раструбам бытия, а особенно собственному пупку, «я» как средоточию младенческой открытости даосской пустотности.

Однако при этом показано, что это чистое становление настолько сильно все же направляется, ведется взрослыми, что последующие изменения пред-

ставляют значительную трудность. Так осуществляется переход от эпоса к истории и конденсация возможного в действительном.

Другая нарративная линия дневника - переход от мифологии к теологии, который изменяет и его жанр. С момента формирования чувства вины в дочери отец обозначает свои заметки как «теологический дневник» (с. 196), превращаясь из Шивы в Христа, вечно живого спасителя, тогда как место Саваофа, готового раствориться в потустороннем, откуда только что явился младенец, занимает дедушка.

И все же, так или иначе, дневник остается метафизическим. Хотя М. Эпштейн, ссылаясь на Аристотеля, утверждает, что повествование о вероятном скорее поэтично, он, тем не менее, усматривает в младенческих превращениях хотя и мифо-, но все же логику. Если «младенчество - самая осязаемая связь нашего и другого, которая и образует узел метафизического знания», то отцовство выступает основанием иного измерения жизни (с. 7). Несмотря на то, что событийный ряд дневника построен на описании развития младенца, речь в нем идет в большей степени об оформлении Большого Другого как отцовской психической инстанции. Это происходит постепенно и в связи с изменениями внутреннего мира ребенка. Но, тем не менее, заявленная попытка говорить за него явно проваливается, как и любая попытка говорить за другого. И если в гендерных исследованиях констатация этой принципиальной провальности уже стала общим местом, то в исследованиях возраста она еще только намечается. Но очевидно, что даже осмысление собственного младенчества является говорением за другого тем взрослым, которым стал младенец. Итак, дневник, тем более метафизический, адекватнее всего рассматривать как метаописание родительства и не проецировать его сюжеты на младенца. Но данный дневник заканчивается, когда дочь начинает говорить и, следовательно, тень ее возможного дневника ложится на дневник отца. Так наглядно демонстрируется несовместимость говорения другого и говорение за другого.

Первая половина дневника подчеркнута мифологична, причем, стоит подчеркнуть еще раз, речь идет именно о мифологическом мировоззрении отца. Младенец сквозь призму этого мировоззрения видится «пузырем» как священным шаром, претерпевающим перманентные метаморфозы, игроком со стихиями и в прятки с бытием, легко соскальзывающим в небытие, пришельцем ниоткуда, инопланетянином. Отец же представляется самому себе господином-оформителем этой подвижности, многоруким танцующим Шивой, творящим в танце изменчивый мир для изменчивого же маленького обитателя, воображаемым Отцом, танцующем в языке. Но этот «мюзикл» быстро сталкивается с реальностью младенца, который не желает созерцать безобразное представление, раз уж ему самому настойчиво навязывается определенный образ. Если младенцу не позволяется оставаться инопланетянином, он реализует и роди-

тельские образы, которые, согласно последним исследованиям, преломляются в младенческом восприятии как расхожие изображения инопланетян.

Здесь весьма остро поднимается вопрос о том, возможно ли продолжение родительского трансгрессивного становление в условиях необходимости поддерживать свой устойчивый образ для ребенка. В дневнике обескураженный отец быстро приходит в себя и продолжает в нью-эйджевом духе рассуждать о том, как род сворачивается в индивиде со ссылками на самые различные мифологические традиции. Полемизируя с Н. Бердяевым, автор трактует родовое начало не как общее, но как оригинальное, исконное. Таким образом, он неявно обращается к восточной традиции, при этом лишь однажды упоминая Лао-цзы, а также трансперсональную психологию. Но все же тема перерождения кристаллизуется в рассуждениях о перерождении души в молитве об успешном рождении ребенка. Именно тоска, предшествующая символической смерти, гонит будущих родителей на родину предков, а вскоре родившаяся дочь выглядит «как живая, то есть живая среди мертвых» (с. 79). До этого же проекция символически мертвого отца превращает младенца в куклу, которая выглядит как живая. Со временем он понимает, что дочь предоставляет ему редкий шанс не только полюбить свое в другом, но и вообще обрести его, открыть новую эпоху, зажечь *vita nuova*, как Данте после встречи с Беатриче или А. Блок с прекрасной Незнакомкой. Так М. Эпштейн подводит читателя к тому, что вечно-женственное - это прежде всего вечно-дочернее. Подобно тому, как Данте вывел образ возлюбленной за пределы родового, природного, М. Эпштейн выводит за пределы родового и дочернее. В англоязычном резюме к книге дотошный читатель находит краткое и емкое выражение авторской позиции: «в книге доказывается, что, вопреки распространенному мнению, родительская любовь не менее романтична, авантюрна и даже трагична, чем сексуальная любовь» (с. 241).

Эта маргиналия позволяет сделать два уже давно назревавших вывода. Во-первых, речь идет не о тендерном, но о половом, сексуальном мужском исследовании. А, во-вторых, о том, что тема инцеста представлена в дневнике более широко, чем в этом пытается нас убедить автор. Поэтому в подтексте дневника явно просматривается обратная сторона комплекса Электры - отцовский комплекс, который рассматривается на примере перипетий *Короля Лира* У. Шекспира или *Станционного Смотрителя* А.С. Пушкина. Учитывая ангажированность автора специфически русским литературоцентризмом (что лишний раз подтверждает метафизичность дневника), лучше всего будет обозначить отцовский комплекс как комплекс Станционного Смотрителя.

Чувствительной основой этого комплекса является ощущение абсолютной покинутости: ведь отец, в отличие от влюбленного, не может переменить объект влечения, поэтому всеми силами стремится удержать дочь. Так обосновывается недостижимость вечно-женственного как дочернего по своей сути.

Очевидно, что задачей дочери в такой ситуации является преодоление желания отца стать «всем» для нее. Иначе, как предупреждает Шут короля Лира, дочь становится матерью собственного отца, поскольку питает его, наполняя чувством истинного своеволия и редуцируя опустошенность своеволия суицидального, а также госпожой и доминатриссой. В результате, осуществляя подобного рода «патриодицею», отец самоуничжается, становится «ничем». В дневнике дочь так или иначе справляется с данной задачей, но отец утешается всего лишь сублимацией комплекса Станционного Смотрителя - превращением эроса в агапе как идиллическим антиинцестом. Поэтому автор заверяет читателей в том, что, вопреки мнению В. Соловьева, именно родительская любовь является наиболее возвышенной, но одновременно видит в дочери неожиданно ставшее доступным детство жены. В результате жена в дневнике упоминается лишь изредка и называется кратким инициалом имени, тогда как ласкательная форма имени дочери склоняется на все лады. Авторское объяснение этого феномена на основании традиции преобладания легитимации родительских чувств по сравнению с нелегитимной тайной супружества только усиливают впечатление: ведь легитимируются, как правило, проявления именно репродуктивной сексуальности. Поскольку инцестуальное влечение завуалировано идеализацией, дочь заставляет отца вспомнить о прирожденной царственности, «сверх-я» и «идеал-я» не в других, а в себе. По мнению автора, это - основа истинной демократии, когда наиболее слабый становится властным средоточием и возводится на пьедестал как своего рода почетная делегация (с. 178-179), что ускоряет процесс формирования субъекта, создающего иллюзию освобождения субъективности окружающих, находящими возможным сюсюкать от его имени.

Справедливости ради стоит отметить, что М. Эпштейн, в соответствии с не всегда политкорректной событийностью современной радикальной философии, рассматривает лелеемые отношения отца с дочерью как значимый компонент еврейской традиции, воплощенный в образе Лота, возлегшего с дочерьми, отражающий отношения Бога и Израиля. Но, как уже упоминалось, отец рассматривается М. Эпштейном скорее с христианских позиций. В этом случае возникает противоречие с более архаичным западным культом матери (Земли, Богоматери и пр.), в котором значимым компонентом выступают отношения матери и сына, как, скажем, в древнегреческом мифе об Эдипе.

Очерченный контекст дневника отчасти объясняет намеренное дистанцирование автора от психоаналитической традиции. Тем не менее ее влияние явно просматривается в размышлении о совершенстве родительской любви и ее приоритете по отношению к любви супружеской, в сюжетах, посвященных размышлениям о более частом ожидании рождения не девочки, но мальчика, которое могло бы быть объяснено принципиальной фалличностью ребенка, игровому движению туда-сюда при попытке дочери взлететь, которое явно на-

водит на размышление о женской специфике движения *fort-da* (с. 32-33). Развитие этих тем могло бы существенно обогатить дневник.

Кроме того, дистанцирование от психоаналитической традиции приводит к определенной схематичности рассмотрения материнства, авторское видение которого могло бы быть описано в терминах психоанализа Ю. Кристевой и др. Если отцовство в силу своей принципиальной покинутости предстает в дневнике недостаточным, то материнство - избыточным. Избыток материнского следует мучительно отторгнуть с младенческими газами и жидкой избыточной пищей. В описании отлучения от матери снова звучат мифологические и сказочные мотивы. Традиционная трактовка утробы Серого волка как материнской дополняется трактовкой утробы Крокодила из *Краденого солнца* К. Чуковского как отцовской, т. е. перевоспитывающей «трансцендентной емкости, превышающей объем мирового зла» (с. 166-167). Идеальный семьянин, заботящийся о своих трех крокодильчиках, этот Крокодил является наиболее адекватным образом-концептом отцовства, каким оно видится автору дневника.

Сначала отцом предпринимается перверсивная попытка ассимилировать материнское, например, забеременеть от младенца, поместив его во впадину собственного тела, а затем породить его же из собственного ребра. Когда же эта попытка терпит крах, отец обнаруживает свою символическую природу, противопоставляя питанию, единству и созданию вос-питание, вос-соединение и вос-создание, приучая дочь к ложке и «сухому пайку» взамен пиршественному рогу изобилия материнской груди (с. 140-141). В связи с этим у отца возникает мифологизированное представление о том, что пищеварение как превращение чужого в свое - акт «этический», тогда как замкнутость кровообращения формирует «психологическую» среду, а дыхание - как присвоение всеобщего - является процессом «религиозным» (с. 145). Боль прорезающихся зубов, в таком случае, должна дать младенцу представление о страдании, которое могут причинять эти зубы другим перед отлучением от матери как составной части пищеварительной смс-темы. Несмотря на сожаления по этому поводу, именно отец таким образом готовит дочь к соприкосновению с жестким символическим порядком языка, хотя пока вещи еще не называются, но смазываются слюной с целью превращения окружающей среды в аналог материнского чрева, а ребенок еще не ходит, но перевернувшись на живот пытается не то упереться в земное, не то вернуться в него. На излете оральной стадии младенец особенно очевидно демонстрирует взаимосвязь эротического и гносеологического: его интересуется прежде всего привлекательная вещь, которая тут же тянется в рот.

Болезненность процесса отлучения от матери и воплощения младенца вызывает плач как рас-секречивание, утрату многообразия возможностей - не случайно дочь кажется похожей на отца именно когда плачет, что может быть также рассмотрено как доказательство попытки отца ассимилировать материн-

ское. Затем преобладающей становится трактовка плача как внешнего проявления извечного еврейского страдания, которая также помещает отца и дочь в рамки рода. Однако речь идет о плаче пробуждения, траурном плаче по утраченным возможностям. Не случайно отцу вспоминается вовсе не плач после серьезной телесной травмы, но плач, сопровождавший одно из его утренних пробуждений. Детство вообще видится М. Эпштейну сплошным недосыпанием, благодаря которому формируется сознание как хроническая бессонница (с. 124), и это одна из причин того, что изнутри младенчество представляется автору вовсе не радостным. Но сами же родители, вводя ребенка в излишне жесткий символический порядок, вынуждают младенца тосковать.

Последние части дневника очевидно страдают от отсутствия явных обращений к лакановскому психоанализу, структурализму и постструктурализму, укрепляя в читателе подозрение, что дневник, несмотря на заявление автора в предисловии и проставленные в конце даты, не был закончен в 1979-1980 гг., а дополнялся и позднее. С другой стороны, обращение к христианской традиции, возможно, наилучшим образом отображает истоки модернистской педагогики, с точки зрения которой появление чувства вины у ребенка знаменует его переход на новый этап развития, тогда как восточная педагогическая традиция ориентированна скорее на формирование чувства стыда и долга. Но М. Эпштейн остается энциклопедистом, что подтверждает указатель в конце дневника.

Беря на вооружение принципы модернистской педагогики, отец уже заранее, не дожидаясь совершеннолетия и замужества, теряет дочь, выступая по отношению к новорожденной личности, наносящей символическую травму, наказующей сверхличностью. В теологическом духе отец объявляет меткой человеческой родовой травмы родничок как канал сообщения с истинным бытием, обнаруживая источник вины в самом ребенке. В результате дочь уже видится ему далеко не столь милой, и отец стремится не уподобиться матери и слиться с ребенком, а, напротив, стать властной инстанцией. Для начала вполне в модернистском духе его «я» расщепляется, и он, наконец осознав себя отцом, начинает говорить о себе в третьем лице - «папа», тут же отделяясь как от себя, так и от ребенка. Дальше на протяжении многих страниц отец бьется с самим собой, пытаясь разрешить дьявольскую дилемму «все» или «ничего», то и дело пытаясь проецировать ее на дочь, которая, как любой ребенок, является «бесом-игруном» и, играя, трансgressирует, переходя всяческие нормы.

Глава *Вина* содержит самые щемящие страницы дневника: чего стоит одно только «чем трепетнее ты, чем больше выражения вины в твоих глазах, - тем строже я готов взыскивать с тебя» (с. 200). Или: «иногда только притворюсь невидящим; но если ты сама хоть на миг заметишь мое бдительное внимание, я доведу его до повелительного окрика. Я буду преследовать тебя до самых границ твоего понимания и закреплять их вехами новых законов» (с. 201). Автор

не задается вопросом об относительности норм игры и вех моральных законов, а оправдание его суровости с помощью апелляции к грядущей встрече с народными и небесными отцами не выглядит убедительной, если рассмотреть их как символизированные образы реального отца. Глава оставляет впечатление, что отец просто устал и именно поэтому бесится сам, готовый разрешить всю ту же дьявольскую дилемму абсолютистским «я тебя породил, я тебя и убью».

В этой связи особенно остро встает проблема Другого, периодически возникающая в дневнике. В сартровском духе воспринимая детское Другое как «ад», отец учится оправдывать любого другого Другого. В ходе постижения себя как другого в собственном ребенке растет самосознание отца, возрождается его душа, но, как он сам отмечает, этот процесс оборачивается только обвинениями в адрес ребенка. Здесь обнаруживаются явные параллели с концепцией отцовства Э. Левинаса, согласно которой именно в отцовстве Я является Другим Самому Себе, поскольку отношения с ребенком не определяются в терминах власти: не дитя есть у меня, а я и есть собственное дитя. Но в полной мере «возвращение Я к Самому Себе <.. > свершается в сыне»¹, тогда как в дочери продолжает культивироваться чувство вины.

Переход на сухую пищу и появление чувства вины сопровождается вхождением дочери сначала в мир книжных иллюстраций как концентрированного воображаемого, а затем и язык как концентрированное символическое, мифологическая фаза развития младенца, минуя эпическую, сменяется исторической, а дневник окончательно становится теологическим - сразу за главой *Вина* следует глава *Слова и Шаги*. В этой главе особенно интересными выглядят нюансы: скажем, трактовка стремления к именованию как желанию слышать голос вещи и одновременно к консервации слов «мама» и «папа» в качестве слов-телег, проезжающих по языку воплощенными утопией и символическим порядком. Освоение пространства языка сопровождается еще одной дифференциацией пространства, связанной с тем, что дочь учится ходить: именно в этот момент автор особенно остро ощущает, что дочь начинает сама писать летопись своей жизни.

Это запускает подготовленный ранее процесс текстуализации дочери, ее превращения в живую гиперболу и литоту, а затем - в сюжет, буквально - в подкидыша в глазах отца. С его точки зрения, с дочерью произошло одно из главных жизненных событий, которое еще долго будет определять ее становление, в связи с чем «оставшаяся жизнь удаляется», а «время мелеет» (с. 225). Эдипальный треугольник раскрывается, и отец начинает чувствовать по отношению к дочери человеческую близость и одновременно одиночество, которое приписывается и дочери, а также ненужность. Эта пустота быстро заполняется чувствами к другому ребенку, сыну, а доминирующей пространственной метафорой становится квадрат, а в перспективе - многоугольник как полноценный элемент социальной сети. По мнению отца, таким образом сглаживается от-

цовство как «нечто возвышенно-подавляющее» (с. 231), но отец не задается вопросом о том, что будет происходить с дочерью в промежутке. Поэтому дочь действительно начинает ощущать одиночество, спрашивая в эпилоге: «Ты любил меня тогда?» (с. 239). Так развенчивается изначальная посылка дневника о совершенстве родительской любви.

В этом вопросе явственно обнаруживается отличие воспитательной стратегии автора от спокианской, принятой в период Холодной Войны и призванной любой ценой избежать того, чтобы сын стал «изнеженным», а дочь - «несчастной» прежде всего в любви и браке, что признавалось предпосылкой разрушения традиционных поло-ролевых моделей². Отец учится преодолевать комплекс Станционного Смотрителя и относиться к дочери по-человечески, поэтому в целом в дневнике речь идет о тайне нашего пребывания в мире и только во вторую очередь - о ее половых проявлениях. Таким образом, намечаются гендерные предпосылки отцовства, требующие дальнейшего исследования.

- 1 Левинас Э. *Время и другой* (СПб., 1998), с. 100.
- 2 Gomes D. «*Sissy boys and «unhappy» girls: childrearing during the cold war*», II <http://proxy.arts.uci.edu>

Елена Иванова: Constructing Masculinity, in M. Berger, B. Wallis, and S. Watson, eds. (New York - London: Routledge), 1995.

Книга «Конструирование маскулинности» является одной из публикаций из серии «Дискуссии о современном искусстве». Она была написана по результатам конференции, посвященной проблеме конструирования маскулинности, и представляет собой сборник статей самых разных авторов.

Структурно книга состоит из пяти разделов. По аналогии с классификацией Фуко, первый раздел посвящен философской постановке проблемы: «Что такое маскулинность», второй - ее освещению в культуре («Маскулинность и ее репрезентация»), третий - в науке («Как наука определяет мужчин»), четвертый - в науках о праве («Маскулинность и нормы права») и, наконец, пятый - ее представленность в политической практике («Мужская субъективность и ответственность»). В каждый раздел входит по пять статей, обеспечивая, таким образом, некоторое хотя бы формальное равенство в освещении

предложенных аспектов проблемы маскулинности. В сборнике сразу обращает внимание читателя состав авторов: это и ученые, занимающиеся и социальными, и естественными науками, и журналисты, писатели, специалисты-культурологи, критики и т.д. Все они в рамках своих профессий и подходов пытаются ответить на вопрос о том, какие стандарты и как определяют маскулинность, и как мужчины и женщины могут выходить за пределы этих стереотипов.

Главная идея книги - понять и объяснить, как и почему конструируется маскулинная идентичность, социальная и личностная. Что является обязательным, каковы закономерности, которые определяют эти конструкты? Может ли однозначное понятие маскулинности быть заменено идеей множественных маскулинностей, в которых жесткие границы сексуальных и тендерных репрезентаций размыты или даже выстроены заново?

Один из выводов, который разделяют авторы рецензируемого сборника, заключается в том, что категорию маскулинности следует трактовать как всегда амбивалентную, всегда сложную, всегда зависящую от необходимостей личной и институциональной власти. Маскулинность понимается ими не как монолитная сущность, но как взаимодействие эмоциональных и интеллектуальных факторов - как у мужчин, так и у женщин, взаимодействие, которое опосредовано другими социальными факторами, включая расу, сексуальность, национальность и класс.

В первый раздел сборника вошли статьи, обосновывающие проблему маскулинности как таковую и рассматривающие ее в философском аспекте. В статье Е. Кософски-Седжвик предлагается несколько аксиом, которые могут быть полезны при обсуждении маскулинности. Прежде всего, считает она, маскулинность - это не только о мужчинах. Необходимо различать мужчин, маскулинность и круг проблем, связанных с каждым из этих понятий. Следует также иметь в виду, что маскулинность и фемининность во многих аспектах ортогональны по отношению друг к другу, а не представляют собой два противоположных полюса одной оси, как считают многие. И, наконец, автор считает, что при изучении маскулинности/фемининности следует учитывать то, что на конструирование самопрезентации мужчин и женщин в определенной мере влияет биология, тело и телесные проявления.

Статья К. Вэнс посвящена теории социального конструктивизма и сексуальности. Она показывает, какой вклад внесли такие понятия как гендер, сексуальность, идентичность в развитие теории социального конструктивизма, с одной стороны, и, с другой стороны, - как в рамках теории социального конструктивизма можно трактовать эти понятия. Она подчеркивает, что хотя гендер и сексуальность переплетаются во многих аспектах, они являются разными системами. Автор считает, что на развитие теории социального конструктивизма повлияло изучение гомосексуализма, которое начало осуществляться отдельными учеными в Европе и Америке еще в XIX веке. В этой связи она

задается вопросом о том, что привело к формированию сексуальных субкультур, а также гетеросексуальности. К. Вэнс полагает, что сексуальность вообще является сферой противоборства разных групп, стремящихся воплотить свои сексуальные программы, изменить существующие соглашения и идеологию относительно сексуальности.

Попытки рассмотреть сексуальность в исторической перспективе породили новый корпус работ, в которых историки, антропологи, социологи и представители других наук внесли свою лепту в эту необычную междисциплинарную дискуссию. Не менее важным является и влияние культуры. К. Вэнс даже вводит понятие моделей культурного влияния для изучения понятий, связанных с сексуальностью, маскулинностью и фемининностью и показывающих различие в содержании этих понятий в разных культурах.

Второй раздел, посвященный репрезентации маскулинности, составляют статьи о том, как представлена маскулинность в кинематографе, литературе, изобразительном искусстве.

Следующий шаг от искусства сделан прямо к науке, к тому, «как наука определяет мужчин». А. Фаусто-Стерлинг обращает внимание на то, что о развитии человека пишут биологи, медики и другие представители естественных наук. Причем чаще всего их работы написаны в «нейтральном» научном дискурсе, с использованием абстрактных понятий. В связи с этим такие тексты воспринимаются в ореоле авторитета. И поскольку в них описываются научные открытия, можно решить, что они не содержат никаких предубеждений и не основаны на убеждениях, сформированных культурой. Однако это не так. Научные тексты также могут быть рассмотрены как особый вид интерпретации - ученый интерпретирует природу. При этом он или она использует трактовки и объяснения, которые подкрепляют старые или строят новые социальные убеждения. Таким образом, делает вывод автор, естественные науки вносят свой вклад в конструирование маскулинности, а понятия мужского и маскулинного используются в естественно-научном знании. И одной из задач научной критики является освещение этих взаимодействий.

В этом разделе рассматриваются вопросы связи маскулинности и делинквентности, СПИДа, а также здесь помещена статья С. Гилмана «Ущербные мужчины», в которой представлена психоаналитическая интерпретация маскулинности на основе анализа психобиографии Кафки.

Статьи раздела «Маскулинность и нормы права» рассматривают маскулинность в отношении к другому социальному институту - праву, который также играет важную роль в конструировании стереотипов о тендере, сексуальности, расе, и в установлении отношений власти внутри и между полами. В этом разделе можно найти статьи, посвященные конструированию маскулинности у представителей различных меньшинств, негативным представлениям о них в праве и культуре, вопросу о том, почему такие представления

быстро распространяются и поддерживаются, и как эту ситуацию можно изменить. Еще одна статья (М. Хайнс) посвящена проблеме маскулинности, сексизма и цензуры. В ней говорится о том, что с точки зрения тендерного равенства многие законы являются дискриминационными, контролирующими женскую сексуальность и провоцирующими гомофобию. Автор делает вывод о том, что цензура идей и информации о сексе ставит под сомнение свободу выражения женщин, сексуальных и расовых меньшинств, всех тех, кто не находится во власти, кто не создавал законы.

Статьи, составляющие пятую часть, «Мужская субъективность и ответственность», задаются вопросом о том, как понятие маскулинности может помочь в политических дебатах об идентичности и власти.

Подводя итог, следует отметить, что рецензируемый сборник представляет собой яркую и интересную мозаику, однако на одну и ту же тему (маскулинности) и в общем выдержанную в одном ключе - конструктивистском. И трудно не согласиться с автором одной из статей сборника, что свобода слова вообще, и в частности, в вопросах сексуальности, является мощным орудием для непривилегированных групп и аутсайдеров, которое может им помочь в деконструкции предрассудков, устоявшихся в обществе.

Бурейчак Татьяна: Connell R. W., Masculinities (Cambridge: Polity Press, 2005).

Уже одно имя Роберта Коннелла (профессора социологии Калифорнийского и Сиднейского университетов) - одного из самых прославленных теоретиков в области гендерных, и, в частности, мужских, исследований - однозначно обращает на себя внимание при одном лишь взгляде на эту книгу. Р. Коннелл вплотную подошел к исследованию проблемы маскулинности, а именно гендерных практик и сознания мужчин в переломные моменты их жизни, в середине 80-х годов прошлого века, на что его побудило практическое отсутствие эмпирических данных в этой области. Результатом его исследований стала теория гендерных отношений, которую Р. Коннелл представил в одной из первой своих книг по этой теме «Гендер и власть» (*Gender and Power*) (1987). Одним из основных постулатов этой работы стало утверждение о наличии множественных маскулинностей, которые существуют не только на теоретическом уровне, но и совершенно реально воплощены в сферу социальных взаимоотно-

ношений и практик. Р. Коннелл утверждает, что нет никаких оснований верить в то, что некоторые характеристики, которые мы определяем как маскулинные, являются обусловленными мужской биологией. Ярким примером социальной обусловленности мужских качеств являются идеалы мужественности, существующие в контексте различных культур. Генетическое программирование, как определяющее мужской тип поведения, отрицается фактом наличия огромного разнообразия маскулинностей в различных культурах и в разные исторические периоды.

Результаты своего дальнейшего исследования и анализа темы многообразия гендерных моделей среди мужчин Р. Коннелл представляет в книге «Маскулинности», которая впервые была издана в 1995 году. Эта работа одновременно издается в Австралии, Великобритании и США и везде однозначно получает отклик как фундаментальное исследование маскулинности, а также как одна из самых влиятельных книг в области социальных наук за последние годы. В 2003 году Австралийская социологическая ассоциация включает «Маскулинности» в десятку самых важных книг в австралийской социологии. Эта работа переведена на шведский, итальянский, немецкий, испанский и китайские языки. Будем надеяться, что русскоязычные читатели также в скором времени получат возможность прочитать эту книгу на родном языке.

В 2005 году выходит в свет второе издание «Маскулинностей». Сохранив основной текст первого издания, Р. Коннелл дополняет его анализом развития мужских исследований на протяжении последних десяти лет, а также новыми теориями, эмпирическими данными и рассмотрением новых глобальных тенденций в гендерных отношениях. Концептуальная схема этой работы состоит из следующих элементов:

- рассмотрение истории мужских исследований (раздел 1);
- представление теорий маскулинностей, включенных в социальную гендерную теорию (разделы 2-3);
- описание жизни четырех групп мужчин, находящихся в переломных моментах их жизни (разделы 4-7);
- рассмотрение истории маскулинностей на Западе и их политических проявлений (разделы 8-9);

предложение стратегий политики тендерного равенства (раздел 10).

В качестве примеров основных перспектив определения маскулинности Р. Коннелл предлагает ее рассмотрение в рамках четырех подходов. Первый из них - эссенциализм - заключается в определении одной ключевой характеристики, которая составляет ядро маскулинности, а все остальное, соответственно, является производным от нее. В контексте позитивизма, второго подхода,

маскулинность определяется как нечто, что возможно измерить «научно», например, с помощью психометрических и этнографических шкал маскулинности и фемининности. Третий нормативный подход акцентирует на том, чем *должна* быть маскулинность. Наконец, четвертый семиотический подход предлагает систему символического отличия, в котором маскулинное и фемининное существуют как противопоставляемые и взаимоисключающие друг друга категории. Отмечая ограниченность этих подходов, Р. Коннелл предлагает свое видение маскулинности, которая определяется как неизбежно существующая в контексте определенной системы гендерных отношений. Поэтому, определяя маскулинность, Р. Коннелл, обращает внимание на процессы и взаимоотношения внутри которых мужчины и женщины осуществляют свою гендерную жизнь. В связи с этим, его представление о маскулинности заключается в следующем:

«Маскулинность — это одновременно место в гендерных отношениях, практики, посредством которых мужчины и женщины занимают это место, а также результаты этих практик, которые проявляются в телесном опыте, на личностном и культурном уровне» (Connell, 2005:71).

Политики маскулинности в данной работе рассматриваются через их социальное конструирование на личностном и социальном уровне. В качестве примеров приводятся исследования повседневной жизни мужчин из различных социальных групп, таких как рабочий класс, спортсмены, активисты зеленого движения и гомосексуалисты. Большое внимание уделяется конкретному социальному, политическому и историческому контексту, в котором находятся представители этих мужских групп. Внимание Р. Коннелла также обращено на то, каким образом организована система коммуникации, в которую включены мужчины, и каким образом они позиционированы в ней. Основная идея книги о существовании множественных маскулинностей также подразумевает существование различных, в том числе и иерархических, взаимоотношений между разными проявлениями мужественности, доминирующей из которых выступает гегемонная гетеросексуальная маскулинность. Поэтому одной из основных целей исследования Р. Коннелла является демонстрация того, как жизни разных групп мужчин иллюстрируют их приближение или отдаление от доминирующих форм маскулинности.

Р. Коннелл предлагает глубокий анализ трех основных сфер, в которых проявляют себя практики маскулинности, а именно: отношения в области власти, производства и межличностного общения. Он также рассматривает изменения в определении тендерного порядка, которые являются предметом беспокойности и вызывают многочисленные дебаты среди социальных теоретиков. *«То, к чему мы движемся, - говорит Р. Коннелл, - очень неопределенно, и поэтому может выступать и как источник страха, и как источник желания»* (Connell, 2005:241). В свою очередь, Р. Коннелл объясняет происходящие изме-

нения не разрушением институциональных структур патриархата, а разрушением его легитимности.

Ценность этой книги состоит в том, что в ней предлагается синтез идей, подтвержденных результатами эмпирических исследований, которые проливают свет на многие сложные и противоречивые проблемы, связанные с пониманием природы современных тендерных отношений, и места маскулинности в них. Анализ феномена маскулинности, как это наглядно демонстрирует Р. Кон-нелл, может служить ключом для понимания многих современных проблем. Подводя черту, следует отметить, что эта книга может считаться одной из фундаментальных работ в области мужских исследований. Она, безусловно, заинтересует всех тех, кто хотел бы лучше разобраться в понимании феномена маскулинности в его многообразных проявлениях в современном мире.

Бурейчак Татьяна: Beynon, John. Masculinities and Culture (Buckingham: Open University Press, 2002).

Терри: «Когда я был парнем, все было вдвое проще, чем то, как это сейчас. Мужчина был мужчиной, а женщина — женщиной. Все было ясно, и никто не спорил. А сейчас ты не знаешь, где ты!...»

Так начинается книга Джона Бейнона «Маскулинности и культура», посвященная одной из самых интересных и актуальных тем в области современных тендерных исследований - проблеме маскулинности в контексте культуры. Данная работа представляет собой синтез исследований по этой теме из области социологии, социальной психологии, антропологии, массовой культуры и масс-медиа. Основная перспектива исследования определяется автором в ключе современных культурологических подходов, поднимая ряд ключевых вопросов, связанных с переплетением и взаимоналожением феноменов маскулинности и культуры; основной целью работы является демонстрация многообразия и многозначности определения маскулинности сквозь призму культуры. Необходимость деконструкции социокультурных представлений о маскулинности была и остается одним из главных приоритетов феминистских и гендер-но-чувствительных исследований, способствуя общей задаче тендерных исследований - деконструкции патриархатных представлений о тендерных различиях.

ях. В этом смысле работа Дж. Бейнона представляет собой попытку расширить критическое понимание культурных политик маскулинности. В самом начале автор разворачивает дискуссию вокруг определения понятий «мужественности» (через биологические характеристики) и «маскулинности» (как социокультурного конструкта). К социокультурным факторам определения маскулинности автор, в частности, относит национальность, классовую принадлежность, сексуальность, возраст и т.д. Дж. Бейнон ставит вопрос о том, что означает быть мужчиной? Чтобы ответить на этот вопрос, он рассматривает маскулинность в трех ее проявлениях - «маскулинность переживаемая» («masculinity-as-experienced»), «маскулинность предписываемая» («masculinity-as-enacted») и «маскулинность репрезентируемая» («masculinity-as-represented»). Свою работу Дж. Бейнон основывает на анализе различных медиа-текстов - таких как фильмы, литература, реклама, мужские журналы и телевидение.

Каждый из семи разделов книги посвящен анализу отдельного аспекта маскулинности, рассматриваемому в определенной исторической и культурологической перспективе. Первый раздел «Что такое маскулинность?» («What is Masculinity?») предлагает обзор различных подходов к пониманию этой проблемы. Дж. Бейнон, в частности, ставит ряд вопросов, связанных с определением таких категорий, как «множественность маскулинностей», «гегемонная маскулинность», «маскулинизм», «гибридная маскулинность» и «конец маскулинности». Второй раздел «Маскулинности и имперское воображение» («Masculinity and the Imperial Imaginary») предлагает исследование того, как империя и имперская политика влияли на определение маскулинности в Великобритании. Этот анализ охватывает период от второй половины XIX до середины XX века и заключается в рассмотрении изменений представлений о маскулинности в основном на примере изучения приключенческой литературы этого периода. Третий раздел «Понимая маскулинности» («Understanding Masculinities») рассматривает процесс мужской социализации сквозь призму исторического и антропологического подхода. Здесь автор обращает внимание на то, как может происходить медиация маскулинности через ее репрезентацию в фильмах и то, как это может быть исследовано. В четвертом разделе «Маскулинности и понятие «кризиса»» («Masculinities and the Notion of "Crisis"») Дж. Бейнон анализирует одну из самых дискуссионных тем в области мужских исследований - кризис маскулинности. В рамках этого раздела сделана попытка систематизировать ряд категорий, определяющих это понятие. Здесь рассматриваются наиболее яркие примеры проявления кризиса маскулинности, а также причины кризиса, связанные в основном с утратой мужских прав и изменением структуры занятости. Пятый раздел «Коммерциализация маскулинностей: от "Нового мужчины" до "Нового парня"» («The Commercialization of Masculinities: from the "New Man" to the "New Lad"») посвящен проблеме изменений представлений о современной маскулинности под воздействием эконо-

мических и коммерческих факторов. Шестой раздел «Маскулинность тысячелетия» («Millennium Masculinity») предлагает анализ того, каким образом происходят изменения дискурсивного конструирования маскулинности на протяжении тысячелетия в современной британской прессе и научно-популярной литературе. В последнем разделе «Исследуя маскулинности сегодня» («Researching Masculinities Today») Дж. Бейнон предлагает шесть моделей изучения маскулинности - литературную, визуальную/перформативную, автобиографическую, этнографическую, а также модели исследования печатных и звуковых масс-медиа. Автор акцентирует внимание на этнографическом подходе и приводит примеры собственного и других этнографических исследований маскулинностей.

Дж. Бейнон предлагает исследовать «маскулинность-как-текст», что с его точки зрения означает понимание феномена маскулинности как многообразного культурного конструкта, обусловленного влиянием определенного времени и места. Очевидно, этим объясняется локализация авторского исследования только примером Великобритании и частично США и Австралии. Автор также ограничивает культурологический подход к изучению маскулинности в основном анализом способов ее медиации в средствах массовой информации, не предлагая при этом анализа визуальных примеров репрезентации маскулинности в них, что, в свою очередь, могло бы разнообразить и дополнить книгу.

Что касается изложения текста, то следует подчеркнуть четкость и простоту написания, а также систематичность и логическую последовательность представления материала. Каждый раздел начинается выдержками из интервью, газетных цитат или метафор, которые, с одной стороны, являются квинтэссенцией определенной проблемы, с другой - интригуют и вызывают интерес к исследованию того или иного аспекта маскулинности. Каждый раздел также содержит краткое вступление к проблеме, ряд методологических вопросов и подходов к изучению определенной темы, а также список рекомендуемой литературы. В конце книги предлагается словарь наиболее важных терминов по проблеме маскулинности и культурологии, а также перечень значимых и интересных книг. Книга Дж. Бейнона «Маскулинности и культура» будет интересна не только исследователям, преподавателям и студентам, интересующимся мужскими исследованиями, но и широкой аудитории читателей, желающей расширить свои представления о проблеме маскулинности.

Ольга Романцова: *The Masculinity Studies Reader, Rachel Adams and David Savran, eds. (City University of New York, Columbia University, 2002), 418 p.*

Ридер по исследованиям маскулинности, представляя собой архив ранее изданных и определяющих для изучения маскулинности текстов, может служить кратким введением в область мужских исследований. Первое впечатление - междисциплинарность данной книги, как, впрочем, и самих исследований маскулинности, которые наравне с другими гендерными исследованиями являются результатом пересмотра академического знания, на протяжении долгого времени остававшегося фаллоцентристским. Имея исторические корни в феминизме, исследования маскулинности направлены на анализ тех фактов, которые часто кажутся очевидными: подавляющее большинство обществ патриархальны, исторически мужчины в них в большей степени наделены властью, возможностями и культурным авторством, а маскулинность репрезентирована как доминирующая тендерная формация. Представляя ключевых теоретиков, таких как М. Киммел, К. Силверман, И. Кософски-Сэдживик, Р. Коннелл, Д. Гальперин, Р. Ланкастер, Р. Дайер, Д. Боярин и других, ридер производит эффект пересмотра дебатов по исследованиям маскулинности в таких областях гуманитарных и общественных наук, как антропология, этнография, женские исследования, социология, визуальные исследования и квир-теория.

Социальные науки внесли большой вклад в эмпирические исследования практик маскулинности, ее конструктов и ролей внутри различных культур. Обрисовывая границы и поднимая вопрос о маскулинности как области академических исследований, данная коллекция содержит наиболее значимые исследования в данном направлении, структурированные по направлениям - от классических работ Фрейда и Фанона до самых последних исследований. В виду теоретического и методологического разнообразия тексты сочетаются довольно эклектично - возможно, потому, что исследования маскулинности в целом плохо поддаются антологизации. Пять частей ридера - *Эротизм, Социальные науки, Репрезентации, Империя и современность и Границы* — основаны на ведущих текстах в рамках различных подходов к изучению маскулинности. Можно сказать, что подобное издание представляет собой попытку придать гетерогенной области исследований маскулинности тематическую структуру и категории - такие как, например, «черные маскулинности», «маскулинности рабочего класса» и т.п. (в ридере это следующие тексты: *Сущность черноты* Фанона, *Структура колониального желания* Р. Кришнесвату и др.).

Начало ридера главой психоаналитических текстов об «эротизме», где на первом месте находится статья Фрейда *Некоторые психологические постулаты анатомического различия между полами*, обусловлено тем, что психоана-

лиз был и остается наиболее применимым к теоретизированию проблемы сексуальности научным подходом. Психодинамические теории эротизма и сексуального влечения являются частью исследований маскулинности, пока неотделимой от мужской анатомии, а также мужской субъективности, пока неотделимой от сексуальности. Статья Фрейда, посвященная исследованиям перверсии, содержит знаменитое положение о том, что гомосексуальность не всегда сопровождается девиацией и человеческую сексуальность нельзя делить по критериям «нормальное»/«ненормальное», поскольку она является более сложной структурой - не целостной, но полиморфной. Данная методологическая установка впервые позволяет отказаться от критерия «нормы» в анализе ген-дерных параметров субъективности, приблизиться к сложности и гетерогенности структуры сексуальности. Мужскому эротизму и модальностям мужского желания посвящены тексты Д. Гальперина (*Демократическое тело: проституция и гражданство в античных Афинах*) и Р. Ланкастера (*Субъект славы, объект стыда*), а также феминистского психоаналитика К. Силверман *Мазохизм и мужская субъективность*. Вместо связи сексуальности и сексуальных практик с персональной идентичностью Гальперин определяет мужскую сексуальность через межличностные отношения и социальный феномен дружбы. Другими словами, авторы этого раздела определяют мужской эротизм не как эссенциальную категорию, а как набор практик и желаний, формируемых посредством взаимодействия субъекта с семьей и обществом.

Во второй части ридера (под названием *Социальные науки*) исследования маскулинности смещаются с области индивидуальной психики, на которую ориентирован психоанализ, в сферу социальных наук, анализирующих маскулинность с точки зрения фундаментальных критериев социальной жизни - таких как экономические отношения, социальные связи и институты, политическое лидерство и идеология и т.п. Авторы этой части книги пересматривают социальные науки по критерию критики сексизма в социальных связях и практиках, классовых формациях; фокус анализа смещается на анализ значений, в которых конструируются патриархальные связи. Например, К. Гертц в тексте *Глубинная игра: заметки о Балинезийской борьбе пенисов* денатурализует маскулинные ритуалы балинезийцев, связывая их с экономическими и социальными структурами, деконструируя «фаллическую импликацию глубинной психологической идентификации балинезийских мужчин с их пенисами». К. Пэйтмен в тексте *Братский социальный контракт* доказывает, что современное гражданство конституировано вокруг «братского контракта», который «дает ощущение свободы сексуально предписанной доминации и подчинению». Т. Керриган в статье *К вопросу о новой социологии маскулинности* анализирует «социальные, экономические и либидинальные властные основания особых форм гетеросексуализированной маскулинности», которую окрестили гегемонной.

В третьем разделе ридера (*Репрезентации*) анализируются репрезентации маскулинности в визуальных и литературных практиках путем обращения к ценностям и законам контекста, в котором они продуцируются. В нем можно найти, например, анализ западного литературного канона по критерию репрезентации в нем гомосексуальной проблематики (И. Кософски-Сэджвик, статья *Чудовище в чулане: Джеймс и литература гомосексуальной паники*), дебаты вокруг аутентичности репрезентаций китайских мужчин в американской жизни в Голливуд-индустрии (*Женщины-воины в версии китайского пацифизма* К. Чанг), вопросы, поднятые К. Меркер в статье *Пол скинхэдов: расовые различия и гомозротическое воображаемое* об изменениях расовой и тендерной идентичности в структуре современного мужского субъекта.

Следующая глава ридера (*Империя и современность*) исследует западно-европейский колониализм и постколониализм, изменения в глобальных дистрибуциях власти, а также присущие этим процессам структуры маскулинности (статьи Франца Фанона, Роберта Коннелла, Ричарда Дайера и других).

В последнюю часть ридера - деликатно названную *Границы* - входят статьи, исследующие широкий диапазон негегемонных видов маскулинности и сфер, в которых она репрезентирована: это и мужская проституция, и запретные или альтернативные формы желаний, выражаемые в практиках определенных субкультур и т.п.

В целом можно предположить, что книга может быть интересна не только специалистам в области мужских исследований, но и широкой аудитории читателей.

Елена Приходько: MacKinnon, K. Representing Men. Maleness and Masculinity in the Media (London: Arnold, 2003).

Автор книги «Репрезентируя мужчин. Мужское и маскулинность в медиа» К. МакКиннон пытается переопределить понятие маскулинности и выявить его плюральность и многозначность в современном постмодернистском дискурсе. Он обращается к теориям М. Месснера, Р. Коннелла, Д. Гилмора и рассматривает влияние фантазий о гегемонной маскулинности, создаваемые массмедиа, на социальное поведение не только мужчин, но и женщин. Основным предметом исследования является репрезентация маскулинности в различных видах медиа - фильмах, телевидении, рекламе и спортивных событиях; анализ проводится на базе в основном американской популярной культуры, однако используются при-

меры из британской и австралийской культур. В целом в книге анализируются различные методы, используемые массмедиа для поддержания или же деконструкции гегемонной маскулинности, а также причины, по которым такая деконструкция становится возможной в современном обществе.

В частности, большое внимание в первой части исследования уделяется исследованию образа «нового мужчины» в современных массмедиа, чью маскулинность можно определить как «мягкую» и охарактеризовать в терминах антисексизма, равноправных отношений с женщинами, детьми и другими мужчинами, но которой все же присущ стиль жизни, предполагающий постоянную борьбу за доминацию. Отсюда возникает вопрос, не является ли возникновение такой маскулинности попыткой гегемонной маскулинности видоизмениться, привнеся в свою структуру фемининные черты для того, чтобы не утратить своего доминирующего положения? Ответ на данный вопрос не может быть однозначным, так как, по мнению МакКиннона, в условиях современного общества маскулинность является многозначным феноменом, а, следовательно, изменения структуры маскулинности могут быть вызваны как простой попыткой остаться «на плаву» и удержать доминантную позицию, так и фактически изменениями в обществе, которые выдвигают новые требования к мужчинам.

МакКиннон рассматривает также мужские исследования и мужское движение, возникшее в противовес феминистскому движению. По его мнению, мужские исследования как новая научная дисциплина амбивалентны по своей структуре: с одной стороны, они являются инициативой профеминистски настроенных мужчин-исследователей, однако, с другой стороны, отказываются критиковать патриархатные основания власти, поэтому, по мнению автора, могут в итоге оказаться лишь очередной попыткой закрепить мужскую доминацию посредством академического дискурса. Мужские движения, по мнению МакКиннона, опираются на эссенциалистские основания вне зависимости от культурных, социальных и исторических контекстов; именно поэтому, по мнению большинства участников мужских движений, притязания феминизма являются необоснованными и только разрушают «(на)стоящую» маскулинность.

Автор напоминает, что популярные виды медиа связаны с продвижением и поощрением патриархатной идеологии, поэтому репрезентация в медиа закрепляет созданные доминантной культурой стереотипы, четко разграничивая гегемонные и подчиненные типы маскулинностей, превращая в норму одни и маргинализируя другие, так как маскулинность, по мнению МакКиннона, «превращается в гегемонную тогда, когда идеология кажется не чем иным, как здравым смыслом». Образы в медиа, как известно, создаются с целью не просто отразить реальность, но образовать определенные смыслы и показать зрителю те паттерны поведения и коммуникации, которые считаются нормой для данной доминантной культуры. Анализ американской киноиндустрии приводит МакКиннона, в частности, к выводу, что в то время как в современном Голли-

вуде класс деполитизируется на экране, маскулинность, наоборот, политизируется, ассоциируясь с рабочим классом, в то время как фемининность - с аристократическими классами, что является, по мнению автора, результатом как отказа среднего класса, начиная с 70-х годов, от многих так называемых «мужских» черт (физическое превосходство, сила и т.п.), так и его ностальгией по этим качествам. Относительно этнической принадлежности на экране исследователь делает следующие выводы: маскулинность афро-американцев, например, все чаще ассоциируется с мачизмом и традиционной маскулинностью, что особенно ярко выражается в фильмах 70-х годов прошлого столетия. Анализ репрезентации маскулинности на экране поднимает также и вопрос о мужских телах и о том, как они используются для отражения сложившейся культурной и социальной ситуации в стране. МакКиннон замечает, что рождение мускулистых тел (в противовес «обычным» ненакачанным мужским телам) в американском кино связано с приходом к власти Рейгана, в то время как в Британии такие изменения происходят с появлением на политической сцене женщины - Маргарет Тетчер. Тело отражает политические и социальные изменения в обществе, являясь индикатором доминантной политики и доминантных групп населения (усиление/ослабление патриархатных тенденций, исключение/включение маргинальных групп населения и т.д.), поэтому оно является важным элементом в анализе маскулинности.

Интерес МакКиннона к изучению репрезентации маскулинностей на телевидении объясняется не только огромным влиянием телевидения на повседневную жизнь миллионов людей, но также связью политик репрезентации маскулинностей с социальным и политическим контекстом политики США. В связи с этим исследователь отмечает, что, хотя на американском телевидении преобладает репрезентация гегемонных видов маскулинности, однако постепенно вводятся и «мягкие» образы маскулинностей, характеризующиеся эмоциональной экспрессивностью, восприимчивостью, заботливостью и даже мелодрамматизмом, что связано с изменением самого общества и целевой аудитории многих телевизионных программ, а также с критическим отношением самих мужчин к постоянному воспроизведению мачизма на телеэкране. Меняются также и телевизионные жанры, которые с каждым днем становятся все более размытыми, и уже нельзя провести четкую границу между чисто «мужскими» и «женскими» жанрами. Смена типов маскулинностей соотносится автором с политической и социальной ситуацией в стране: война во Вьетнаме, приход Рейгана, сдвиг экономики в сторону сферы услуг внесли свой вклад в изменение структуры маскулинности. Однако, с другой стороны, наблюдается и обратный процесс - телевидение пытается найти место для гегемонной маскулинности даже в тех областях, которые считались «исконно женскими», например, в воспитании детей (в особенности мужского пола), выставляя на посмешище «мягкие» виды маскулинностей как неадекватные и «ненормальные» для об-

щества. Тем не менее, сдвиг, по словам МакКиннона, в популярной культуре все же заметен: происходит отражение и освещение того факта, что гегемонная маскулинность уже не может восприниматься и репрезентироваться как норма или нечто «естественное».

Что касается рекламы, то в ней, по мнению автора, в отличие от телевидения происходит постоянное воспроизведение мифа о мужской независимости посредством визуального создания образа уверенного в себе мужчины, который наделяется авторитетом и доминирующей позицией. Визуальный образ мужчины, согласно исследованию автора, создается не только с помощью таких физических характеристик как сила, возраст, но также и по критерию успешности в делах и достатка. Согласно исследованиям, которые обсуждает в своей книге МакКиннон, мужская авторитетность манифестируется также и «голосом за кадром», так как зачастую комментаторами и «специалистами», дающими советы за кадром, являются мужчины, даже если рекламируемая продукция является женской. Однако и в этой сфере заметны сдвиги в сторону феминизации рекламы и превращения мужского субъекта в объект, как это происходило раньше с женским субъектом. Такие трансформации в мужском образе могут являться результатом изменений общественного мнения относительно мужчин и мужского, а также результатом осознания факта феминизации культуры, которая происходит благодаря развитию общества потребления, ведущего к созданию «покорного» и «легко манипулируемого» - черты, характеризующие фемининность - общества. Реклама 90-х годов особенно четко дает возможность проследить эротизацию мужчин и превращение мужчины в сексуальный объект (что, в частности, делает его объектом иронии и юмора), а также размывание традиционной оппозиции мужских сексуальностей (гетеро-, гомосексуальность). Также происходят и изменения в содержании рекламы: акцент смещается с работы к удовольствию, что ведет к репрезентации тендера и стиля жизни в менее традиционных узких рамках репрезентации. Однако работа, по мнению исследователя, все же остается главенствующим критерием рекламы, принимая замаскированные и подсознательные формы, что в конечном итоге означает приоритет маскулинных гендерных стереотипов: только постольку, поскольку обществу потребления необходимы новые средства для привлечения внимания потребителей, реклама находит эти средства в меняющейся, флексибельной структуре гендера. Поскольку, по мнению МакКиннона, «потребительский капитализм превращает нас всех в объекты ... [и] независимо от тендера, реклама продает нам идею того, что наше личное счастье зависит от приобретения рекламируемого товара» (с. 100), то тендерные изменения в рекламе нельзя объяснять достижением женщинами более равных прав и/или доступа к социальной и экономической власти: скорее мужчины, по словам автора, «присоединились к женщинам», утратив былую власть и силу.

Продвижение патриархатных идеалов и ценностей медийными средствами особенно четко прослеживается в спорте, который считается одним из главных факторов, направленных на превращение мальчиков в мужчин, и это касается не только физического взросления, но прежде всего социального, так как спорт воспитывает «настоящие» мужские черты - такие как агрессивность, стремление к победе, индивидуализм и крепкую «мужскую» дружбу. Автор затрагивает взаимосвязь спорта и национализма, так как в их основе находятся те же ценности и идеалы - апелляция к «естественности» как первого, так и второго. В то же время МакКиннон присоединяется к утверждению М. Месснера, что нельзя рассматривать спорт только как очередной институт патриархата, целью которого является укрепление мужского доминирования над женщинами, не учитывая взаимоотношений спорта с классом и расой, которые являются не менее важными факторами, чем тендер, для анализа спорта как структуры. Автор обращает особое внимание на тот факт, что события мужского спорта представляются как просто спортивные события, без указания пола спортсменов, в то время как события женского спорта прямо рекламируются и маркируются как женские. Таким образом, происходит универсализация мужского спорта в отличие от женского, несмотря на то, что женщинам приходится играть/выступать всегда по правилам, изобретенным мужчинами. Маскулинность, транслируемая в спорте, идентична гегемонной, что еще раз подчеркивается через неприятие женского спорта или же искусственное занижение его ценности, связанное также и с тем, что женщин предпочитают видеть в командах поддержки или на трибунах как поддерживающих жен, любовниц, дочерей или сестер, а не на спортивной арене в качестве полноправных участниц. Спорт является именно той сферой, которая должна аргументировать резкое отличие мужского от женского, и служить «природным» доказательством «естественного» превосходства мужчин над женщинами. МакКиннон прослеживает также взаимосвязь между этничной, расовой принадлежностью и маскулинизацией спорта, отмечая расистскую структуру и нетерпимость спорта. Тем не менее происходящие изменения в обществе, а также меняющаяся структура и политика самих массмедиа неоднократно подчеркивают, что спорт является культурным и социальным конструктом, зависящим от происходящих трансформаций, а не «естественным» и «природным» феноменом. Переход спорта в коммерческую сферу, где спортсмены являются товаром, также может привести к изменениям в конструируемой спортом маскулинной идентичности, делая ее менее ригидной и пагубной как для женщин, так и для мужчин, которые, по мнению исследователя, также страдают от создаваемых жестких рамок.

Итак, исследование МакКиннона вносит свой вклад в традицию отхода от исследований маскулинности под штампом «made by Nature», доказывая, что, несмотря на различные факторы, используемые массмедиа, маскулинность является изобретением общества, которое манипулирует ею в зависимости от

своих потребностей. Исследование, проведенное К. МакКинноном, рассматривающее многообразие уже существующих маскулинностей и анализирующее те социокультурные и политические изменения в обществе, которые отражаются в массмедиа и ведут к непосредственным изменениям по видимости такого «устойчивого» и «природного» феномена как маскулинность, может быть интересным и актуальным как для начинающих исследования в сфере маскулинности, так и для продолжающих их исследователей.

Татьяна Чернецкая: Jeffords, S. Hard Bodies: Hollywood Masculinity in the Reagan Era (New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1994), 212 p.

За последние полвека модели маскулинности в США претерпели серьезные изменения. Мужчина 50-х приходил на работу рано, отличался ответственностью, поддерживал жену и детей и обожал дисциплину. Предполагалось, что он любит футбол, является агрессивным, никогда не плачет. Мужчина 50-х имел четкое представление о том, что собой представляет «мужчина» и что входит в поле его ответственности, однако изоляция и односторонность его взглядов были угрожающими.

Мужчина 60-х находился под влиянием войны во Вьетнаме и женского движения. Он старался открыть «феминные» характеристики самого себя, но не становился свободнее. Он превратился в милого мальчика, который пытается угодить не только маме, но и молодой женщине, с которой живет.

Мужчина 70-х мягок, характеризуется мягким отношением к жизни, но он не является счастливым, так как ему недостает энергии. В эти годы американская нация ослабевает, ей недостает силы, что приводит к триумфу коммунизма на земном шаре.

В 80-е годы, после избрания Рональда Рейгана Президентом, в США наблюдается ренессанс мужественности. Рейгану и его администрации удается восстановить экономическую, военную и духовную мощь как США, так и мужчин. Именно фигура Рональда Рейгана, который, с одной стороны, является одним из лучших манипуляторов голливудскими имиджами, а с другой - одним из лучших имиджей сам по себе, хорошо показывает, как американская национальная идентичность формировалась и работала в 80-е годы: ибо ключевым способом формирования национальной идентичности является то, как граждане воспринимают себя, а также как они воспринимают тех, кому они противо-

поставляют себя. В этом смысле Рейган стал главным архетипом маскулинности 80-х, впитавшим в себя и национальные, и индивидуальные имиджи мужественности, которые лежали в основе идентичности нации во время его пребывания у власти, а исследование одного из главных дистрибьюторов гендерных имиджей в США - Голливуда - может предложить ключи к пониманию процесса конструирования американской национальной и гендерной идентичности.

В то же время, предлагаемая вниманию читателей книга, по признанию автора, не о самом Рональде Рейгане и даже не о его президентстве. Она - о взаимосвязях между публичными, популярными имиджами «Рональда Рейгана» и приключенческими голливудскими фильмами, в которых отображено множество примеров героизма, успеха, силы и «старых добрых американцев», которые сделали возможным «революцию Рейгана».

В конструкциях маскулинности в книге разграничиваются два основных понятия - «мягкое тело» и «твердое тело». «Мягкое тело» - тело «заблудшее», содержащее болезни (например, передающиеся половым путем), имморальность, нелегальные химические вещества, лень и т.п. «Твердое тело» - нормативное тело, которое характеризуется силой, трудом, решимостью, лояльностью и смелостью. «Твердое тело» должно было стать символом рейгановской философии, политики и экономики. В ментальной системе, маркированной тендером и расой, «мягкое тело» неизбежно принадлежит женщине и/или человеку с цветной кожей, в то время как «твердое тело», как и тело самого Рейгана - это тело белого мужчины.

Книга рассматривает наиболее популярные фильмы эпохи Рейгана, такие как «Рэмбо», «Смертельное оружие», «Звездные войны», «Робокоп», «Терминатор», «Бэтман» и др., и исследует, как характеры, темы и истории, представленные в них, помогали усилить и распространить политику, программы и верования «революции Рейгана» и репрезентации мужского тела в этот период. Сам Рейган чаще всего изображался как сильный и жесткий человек, и одновременно американская нация также понималась как сильная и жесткая в эпоху Рейгана - особенно в конфронтации со злом Советской империи. Конструкция «твердого тела» выдвигалась, таким образом, как стратегия решения как внешнеполитических, так и внутривнутриполитических проблем нации.

Сьюзан Джеффордс пытается, с одной стороны, доказать, что «твердое» маскулинное тело является центральным в популярной культуре и национальной идентичности США, с другой стороны - показать, как его репрезентации изменились в эпоху президентства Буша-старшего по сравнению с временами Рейгана. По мнению автора, то время как эпоха Рейгана предлагала образ «твердого тела», резко отличающегося от «мягкого тела» эпохи Картера, конец 80-х - начало 90-х годов в США ознаменовались переоценкой структуры мужского тела как «твердого», но не в сторону возврата к «мягкому телу», а в сторону реартикуляции маскулинной силы и власти через внутренние, личностные, се-

мейно-ориентированные ценности («чувствительный семейный мужчина»). Обе эти модели - «твердое тело» и «чувствительный семейный мужчина» - пересекающиеся компоненты «революции Рейгана» в трактовке маскулинности, вбирающей в себя, с одной стороны, сильную милитаристскую внешнюю политику, а с другой стороны - внутренние социальные ценности, провозглашающие центральное место, например, отцовства, в структуре американской мужской субъективности. Другими словами, в книге Сьюзан Джеффордс внимание фокусируется не просто на характеристиках «твердого тела» и его амбивалентных модификациях в определенные исторические эпохи в США, а на том, к каким внешнеполитическим и внутреннеполитическим (амбивалентным) стратегиям власти приводят стратегии «твердого тела» в определенную эпоху, в данном случае - в ту эпоху, которая представляла возрождение и национальной, и маскулинной идентичности в США, обе из которых были воплощены в теле Рональда Рейгана как Президента.

Ларченко Виктория. Мужской вопрос как (за)зеркальный образ женского вопроса, или проект спасения мужественности.

The Politics of Manhood. Profeminist Men Response to the Mythopoetic Men's Movement (And the Mythopoetic Leaders Answer), M. Kimmel, ed. (Philadelphia: Temple University Press, 1995), 379p.

Майкл Киммел в предисловии к редактируемому им сборнику «Политики мужественности. Ответ профеминистских мужчин на мифопоэтическое мужское движение (и ответ мифопоэтических лидеров)» описывает семинар «Исследуя мужскую сущность» (*Exploring Masculine Ground*), проходивший в рамках Первой международной мужской конференции (Техас, 1991). Задача данного семинара заключалась в выявлении «священного мужского пространства» (*sacred masculine space*) через ритуальные обряды и управляемую фантазию. Читателей наверняка заинтересуют задания, в ходе которых «испытываемые» должны были ощутить и полностью высвободить свою «мужскую природу». В первом задании это высвобождение достигалось путем постепенного перерождения в животное, действующее одними инстинктами. Начиналось все с обычного прикосновения ногами к земле, возделываемой предками, затем испытываемые вставали на четвереньки, чтобы ощутить эту землю и руками, далее - имитация звуков различных животных-самцов. Все это действие переходило

желание познакомиться с себе подобными, следствием которого явилось припоминание приглушенного ощущения запахов. Кульминацией всего происходящего явилось олицетворение испытуемых с «наиболее мужественным животным» - козлом: буйным, играющим и любящим бодаться. По окончании этого задания испытуемые сказали, что действительно чувствовали себя свободными без какого-либо ощущения неловкости. Безусловно, этот эксперимент уходит своими корнями к тому времени, когда архаический человек был одним целым с природой, ощущая свою со-причастность к ней. В современном постиндустриальном, постмодернистском мире человек, будучи существом социальным, утратил связь с природой, с инстинктами, помогавшими ему в нахождении пищи, жилища, спутника(цы) жизни и т.п. Неудивительно, что и испытуемые, ощутив в себе животное, первобытное, дикое, находившееся до этого момента в их подсознании, почувствовали свободу, что означает, в первую очередь, свободу от социокультурной обусловленности, от ежедневных проблем, которые переполняют и без того нелегкую жизнь постсовременного человека; или, словами Ф. Ницше, «это возврат к природе и в известном смысле восстановление человека, его *излечение* от культуры»¹.

В то же время, результаты второго задания, также описываемые в предисловии Киммелом, оказались неожиданными по сравнению с результатами первого. Во втором задании испытуемые в темноте с помощью управляемой медитации должны были встретиться со своими отцами и сказать все то, что так и не успели сказать. Результат был прямо противоположный - всхлипывание, плач (что противоречит традиционному пониманию маскулинности по схеме «мужчины не плачут»). Другими словами, будучи сильными, дикими, смелыми некоторое время назад, испытуемые неожиданно превратились в «чувственных созданий», которым свойственны боль и неразделенное чувство. Такое поведение рождает множество вопросов, которыми задается и сам Майкл Киммел: как эти испытуемые смогли так быстро перейти из одного состояния в другое? И как на самом деле сконструирована мужественность?

Такое вступление к сборнику, бесспорно, вносит интригу, так как концепт мужественности, веками представляющий собой модель, к которой необходимо было стремиться любому мужчине (если он хотел быть «настоящим мужчиной»), оказывается во втором примере под ударом, выявляя «слабые стороны» сильного пола, ведущие к так называемому «кризису мужественности» в современной культуре.

Первый раздел книги, «Концептуальная критика», открывается статьей Майкла Киммела и Майкла Кауфмана «Воины по выходным: новое мужское движение», в которой (как и во многих последующих) упоминается поэт Роберт Блай (см. фотографии ниже по тексту) как идейный вдохновитель, лидер и гуру нового мужского движения, чья книга «Железный Джон» явилась отправной точкой и «долгожданным» ответом на женское движение. Здесь ука-

зывается, что традиционное понимание мужественности основывается на экономической независимости, которая вместе с патриархатом на общегосударственном уровне позволяет мужчинам чувствовать себя мужчинами. Однако вместе с экономико-политическими и социальными изменениями в мире меняется и статус мужчины, видоизменяется и сам концепт мужественности под влиянием не только женского движения, но и движений за региональную, этническую независимость. Если раньше белые гетеросексуальные мужчины среднего класса ощущали свою власть в политиках символического исключения Другого/Чужого из своего привилегированного пространства путем формирования своей исключительной мужественности, то в изменяющемся мире этот конструкт терпит крах, результатом которого является ощущение безвластия как индивидуальных представителей данной группы, так и самой группы в целом. Ощущение не только безвластия, но и беспомощности, все большей изоляции с последующим исключением мужчин нарастает вместе с усилением роли женского движения, кардинально меняющего сущность традиционной бинарной оппозиции мужское/женское. Именно поэтому большинство представителей нового мужского движения и составляют мужчины, которые, по мнению авторов, чувствуют себя потерянными; и как результат - мужское движение представляет собой «крик души» и попытку реабилитации своей мужественности. Согласно Роберту Блаю, все более ощущаемая феминизация американской мужественности связана с тем, что мальчики даже с годами остаются психологически привязанными к своим матерям, которые их вскормили и воспитали. Именно поэтому для достижения ими мужественности, по его мнению, необходимо прервать эту связь с помощью поиска утерянных реальных/символических отцов и возвращения героических архетипов (например, Воин, Король, Дикарь) как моделей мужественности.

Если же говорить о зарождении этого нового движения, то оно восходит к тому времени, когда Роберту Блаю предложили проводить в выходные дни реабилитационные семинары, во время которых предполагалось рассказывать сказки группам мужчин и женщин, чтобы вернуть их к обычной жизни.² Поэт выяснил: для этих целей больше всего подходили кельтские сказки, сказки братьев Гримм и Афанасьева. Причем большинство сказок вызвали интерес у женской аудитории, которая, к тому же, была более открыта к диалогу, чем мужская. В конце концов, мужчины попросили сказки, раскрывающие стадии развития мужественности. Сказка «Железный Ганс» братьев Гримм показала Роберту Блаю идеальным решением проблемы. Американский поэт пообещал мужской аудитории написать книгу, основанную на данном сюжете. По прошествии восьми-девяти лет мужчины продолжали спрашивать его о книге. К этому времени Роберт Блай проводил семинары исключительно для мужчин. Он также выяснил, что фрейдовская и юнговская терапии вызывают стремление как женщин, так и мужчин публично рассказать о своих страданиях, что

не наблюдалось в поколении их отцов. Роберт Блай заметил и возникновение нового явления общества 70-х годов - «нежного мужчины» (*soft male*) - привлекательного, незаинтересованного в нанесении ущерба и ведении войн. Явление «нежного мужчины» произошло уже на первых семинарах поэта, во время которых он предлагал разыграть сцену из «Одиссеи», когда Одиссей поднимает меч при приближении к символу матриархатной энергии - Цирцее. Мирнолюбивые мужчины были не в состоянии сыграть подобную роль, т.к. в них были сильны чувства ненападения вреда кому-либо. Роберт Блай связывает это с событиями Вьетнамской войны, когда мужчины более не стремились проявлять мужественность, требующую наличия врага. Гуру мужского движения США отмечает, что мужчины подобного рода, склонные к гармонии, несчастны из-за нехватки энергии вследствие их пассивности: ими движет инстинкт самосохранения, а не готовность отдать жизнь ради чего бы то ни было. Их часто можно встретить с сильными женщинами, которые излучают энергию. Эти мужчины, согласно поэту, настолько стремятся угодить женщинам, что в результате становятся ничтожными, пассивными и неуверенными в собственной идентичности. Именно поэтому Роберт Блай обучал на своих семинарах, что взмах меча не означает разжигание войны, но показывает решительность характера.

Забегая вперед (четвертый раздел) необходимо упомянуть статью Марка Симеона «Железный Клинт: Квир-браки в "Железном Джоне" Роберта Блая и "Непрощенный" Клинта Иствуда», который доказывает, что «Железный Джон» - юнговская мифотворческая феерия, комбинирующая аллегорию с комментариями. Симеон анализирует сказку «Железный Ганс» братьев Гримм, которая повествует о дикаре, помещенном в клетку во дворе замка, ключ от которой королева прятала под подушку. Однажды любимый золотой мячик принца, с которым он играл в этом дворе, попадает в клетку дикаря. Он уговаривает молодого наследника украсть ключ и выпустить его в обмен на мячик. Освоив дикаря и страхась гнева родителей, принц убегает вместе с ним в лес. Через некоторое время юноша возвращается в мир цивилизации - соседнее королевство - под видом крестьянина; однако в любую минуту, когда необходимо, обращается за помощью к дикарю, который помогает ему выигрывать битвы и руку принцессы. Марк Симеон отмечает, что эта легенда дохристианского происхождения, не имеющая временных рамок, предлагает противоядие сегодняшнему недостатку образов «настоящего мужчины» в поп-культуре, продвигающей на рынок «стереотипных неженков типа Вуди Аллена».

Дон Сабо в своей статье «Вглядываясь в мужскую сущность: "Пламя в чреве" и мужское движение» задается вопросом, почему два бестселлера Сэма Кина и уже упоминавшегося Роберта Блая «выражают мужские идеи мужскими словами» и становятся столь популярными в мужской среде. Ответ, по его мнению, прост: в этих популярных мужских книгах проводятся операции исключения женщин и женского из картины «сегодняшней и завтрашней муже-

Роберт Блай во время выступлений и за рабочим столом

ственности». Согласно автору, основная задача современных социальных и политических стратегий должна заключаться в отходе от традиционных стратегий патриархатного общества (где господствует разделение женщин и мужчин, на основе которого происходит исключение женщин и сплочение мужчин) и в искреннем сплочении мужчин и женщин во имя тендерного равенства.

Во втором разделе «Личное есть политическое: мифопоэтическое мужское движение как социальное движение» рассматривается история становления «нового мужчины» в США с точки зрения критического подхода. Основным аргументом критики Сэма Кина и Роберта Блая становится то, что, по мнению большинства авторов-критиков, эмоциональные проблемы мужчин и гендерные проблемы вообще не могут быть разрешимы вне учета социальных условий, в которых эти проблемы были порождены (Боб Коннелл, «Безысходное положение мужчин: мужское движение и его новые бестселлеры»); что вопрос должен заключаться не в том, *как* мужчины должны быть мужчинами,

а в том, чтобы понимать логическую специфику ситуации формирования мужественности как ситуации насилия в отношении мужчин, которые должны *быть* мужественными (Гарри Брод, «Политики мифопоэтического мужского движения»); что вопрос заключается не в том, (с)могут ли мужчины меняться, а в том, что мужчины *уже* находятся в процессе изменения и не обязательно в том направлении, о котором мечтают феминистки (Майкл Месснер, «"Меняющиеся мужчины" и феминистские политики в США»).

В третьем разделе «Личное есть интеллектуальное: историческая и аналитическая критика» Майкл Киммел («Рожденные бегать»: иллюзии мужественного отступления XIX века и вос-создания (или историческая ржавчина на Железном Джоне)») как представитель профеминистов заявляет, что они до сих пор ждут возвращения воинов-по-выходным, которые бы боролись рядом с женщинами, гомосексуалистами, цветными, что давало бы возможность конструирования демократической мужественности, основанной на равенстве и коренящейся дома, а не в лесу. Майкл Швальбе («Работа мифопоэтических мужчин как поиск общин») отмечает, что мифопоэтические мужчины не считали, с одной стороны, Роберта Блая непогрешимым гуру, а с другой, - их общность «движением». Действия мифопоэтических мужчин - формирование сопротивления доминированию; их цель заключается в пробуждении человеческой чувствительности, что коренится не только в исцелении их психического, но и, согласно автору, в упразднении расовой, классовой и тендерной иерархии в мужской среде.

В четвертом разделе «Личное есть личное: политики маскулинной терапии» Пол Вульф-Лайт («Тень "Железного Джона"») видит в образе Железного Джона символическую трансформацию рационального, бесчувственного, косного стереотипа традиционной мужественности. Дэвид Уид («Культурный папа-изм и мужская истерия») отмечает, что книга Роберта Блая, в которой «мать» становится «козлом отпущения» за все, что случилось «не так» с американскими мужчинами, т.е. с их традиционной маскулинностью, явилась следствием слишком малого присутствия отцовства в американской культуре, что усиливает в авторе понимание важности тендерных политик равенства как повседневной культурной практики.

В пятом разделе «Борьба за мужские души: ответ мифопоэтических мужчин на профеминистскую критику») сам Роберт Блай делится своими впечатлениями от прочитанных статей, анализирующих его книгу. Автор полагает, что его пытаются превратить в «монстра». Он скорее предпочитает слово «экспрессивный» (*the expressive men's movement*), чем слово «мифопоэтический» по отношению к той работе, которую проделывают он и его приверженцы. На его взгляд, они пытаются обучить молодых людей доверять собственному отцовству и усиливать его с рождения ребенка; они просто учат мужчин быть хорошими отцами, чтобы вывести в свет свое чадо, готовое бороться и не быть

домашним питомцем. Другими словами, они пытаются «через мифы и предания вернуть мужчин к источнику маскулинности и найти золотую середину между большим осознанием "чувственного парня эпохи нью эйдж", а также силой и жизнеспособностью воина». Именно поэтому Роберт Блай отмечает: патриархат навредил маскулинности в той же степени, что и фемининности, и, следовательно, понятие патриархата не может быть упрощенно уравнено с понятием маскулинности. Шеферд Блосс («Мифопоэтические мужские движения») отмечает существование в современном мире множества маскулинностей, варьирующихся от мужчины к мужчине, от семьи к семье, от культуры к культуре. Современные маскулинности конструируются и не даны от рождения, они динамичны и являются скорее процессами, чем событиями. Именно поэтому автор говорит о созревании мужских и женских движений против патриархата как движениях мужчин и женщин за Тендерное Примирение (*Gender Reconciliation*), в котором каждая из сторон выступает союзником, партнером, пусть даже и отличным друг от друга.

Шестой раздел «Заключение: можем ли мы все с этим справиться?» анализирует причины, по которым мифопоэтическое мужское движение не вступает в НОМАС (*National Organization for Men Against Sexism* (Национальная организация мужчин против сексизма)) (Майкл Швальбе («Почему мифопоэтические мужчины не вступают в НОМАС»); кроме того, данный раздел содержит «Послесловие» Майкла Киммела, сравнивающего политики идентичности мифопоэтических и профеминистских мужчин. По его мнению, если мифопоэтические мужчины показывают, как научиться воспринимать других мужчин и мир в целом в нежности и любви, а также в сравнении, то профеминистские мужчины говорят о социальных структурах, призывая к этическим и политическим действиям по созданию мира тендерного равенства; если, говоря метафорически, мифотворческие мужчины ищут способы познания любви, то профеминистские хотят использовать эту любовь для изменения мира.

Профеминисты поддерживают феминизм и попытки тендерного равноправия. Они полагают, что женщины подвержены различного рода дискриминациям в обществе, в то время как мужчины имеют символическую власть и институциональные привилегии. Именно поэтому, согласно профеминистско-му движению, мужчины должны взять на себя ответственность за сексистское поведение путем изменения своих собственных стратегий социальной репрезентации. Неудивительно, что это движение выступает против дискриминационного настроения в отношении матерей, которые, выполняя предписанные им патриархатным обществом тендерные роли матери и домохозяйки, еще и обвиняются мифопоэтическими мужчинами в воспитании мальчиков-неженков. Мифопоэтическое движение пытается высвободить из бессознательного мужчин инстинкты воина, дикаря, варвара, которые помогли бы последним «припомнить» первобытное состояние предков - стремление быть самым сильным,

ником и никогда не побежденным, царем природы, жизни, всего сущего, -дабы более не находиться под каблуком матерей, подруг, жен. Профеминистское движение видит в этих тезисах издержки патриархатного общества с его иерархическими устоями, которые гендерно маркируют социальные роли и ярко выраженную гегемонную маскулинность, ведущую к угрозе пока-еще-несуществующего или еще-слабо-выраженного гендерного равноправия.

Другими словами, данный сборник ставит множество вопросов, от решения которых зависят гендерные отношения в обществе. Он может быть рекомендован как широкому кругу читателей для ознакомления с проблемами, волнующими современное американское общество, так и узкому кругу специалистов, занимающихся тендерными исследованиями.

- 1 Ницше Ф. *Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей*, пер. с нем. (СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2006), с. 407.
- 2 «An Interview with Robert Bly: Part 8. Men's Work», <http://www.robertbly.com/int 8.html>